

0- 774926

На правах рукописи

Бралина Галина Минигазизовна

Жанр инвективы в русской лирике середины XIX века

10.01.01 – Русская литература

Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата
филологических наук

Самара – 2008

Работа выполнена в ГОУ ВПО

«Оренбургский государственный университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Матяш Светлана Алексеевна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Душина Людмила Николаевна

доктор филологических наук
Абрамовских Елена Валерьевна

Ведущая организация: Южно-Уральский государственный
университет

Защита состоится «11» декабря 2008 года в 14³⁰ часов на заседании диссертационного совета Д 212.218.07 при ГОУ ВПО «Самарский государственный университет» по адресу: 443011, г. Самара, ул. Академика Павлова, д. 1, зал заседаний.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ГОУ ВПО «Самарский государственный университет»

Автореферат разослан «6» ноября 2008 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Г. Ю. Карпенко

Карпенко Г.Ю.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000514493

Общая характеристика работы

Данная работа посвящена проблеме жанра инвективы в русской лирике середины XIX века.

Большой вклад в изучение лирических жанров внесли Ю.Н. Тынянов, Н.Ю. Алексеева (ода), Л.Г. Фризман (элегия), М.И. Гиллельсон, С.А. Матяш, А.Ю. Нилова (эпиграмма), Р.М. Лазарчук, И.А. Поплавская (послание), Р.Б. Тарковский, Л.Р. Тарковская (басня), Р.В. Иезуитова, Л.Н. Душина (баллада), Т.С. Царькова (эпитафия), Т.А. Недосекина (поэма). В последнее время усиливается интерес к периферийным жанрам лирики, таким как кантата (А.Н. Попов), надпись (О.А. Прокопович), отрывок (Е.И. Зейферт), стихотворная новелла (И.А. Дымова), молитва (Э.М. Афанасьева), стихотворный фельетон (В.Н. Румянцева) и другие.

Впервые проблема жанра инвективы в русской лирике была поставлена С.А. Матяш¹, которая разграничила инвективу как тип речи и инвективу как лирический жанр, установила **константные** (гневный пафос; личная форма высказывания; обязательный адресат, формирующий субъектные отношения «я – ты / вы»; амплификация как композиционный прием), **доминантные** (агрессивные императивы; адресат – конкретное лицо; настоящее время, переходящее в будущее, где осуществляется наказание обличаемого лица; ораторский тип интонации, реализованный ямбическими размерами) и **факультативные** (гиперболизм образов; соседство высокой и просторечной лексики и др.) признаки жанра инвективы. Дальнейшее исследование инвективы выразилось, во-первых, в расширении материала – за счет анализа инвектив М.Ю. Лермонтова (Н.А. Анненкова), польских инвектив периода Второй мировой войны (А.С. Краковяк) – и, во-вторых, в увеличении аспектов анализа: Н.А. Анненкова в определении инвективы добавила результаты исследования пространства; А.С. Краковяк – анализ композиции (план субъекта и план адресата). Кроме того С.А. Матяш и ее ученики рассматривают вопрос об источниках инвективы. В их числе на сегодня отмечаются библейские Псалмы и книги Пророков (С.А. Матяш), сатиры Горация и Ювенала (С.А. Матяш, С.Н. Реутова), а также фольклор (А.С. Краковяк).

Одна из центральных проблем изучения инвективы – это проблема функционирования ее в русской лирике. С.А. Матяш конспективно очертила основные вехи развития русской инвективы с XVIII по XX вв. Если, как полагает И.В. Шталь, античную инвективу сменила сатира на общечеловеческие пороки,

¹ Матяш, С.А. Инвектива в русской поэзии / С.А. Матяш. // Человек и общество. Материалы междунар. научно-практ. конф. Ч. 3. – Оренбург, 2001. – С. 104-105. Матяш, С.А. Жанр инвективы в русской поэзии: вопросы статуса, типологии, генезиса / С.А. Матяш. // Феномен русской классики: сб. ст. / Отв. ред. Ф.З. Канунова. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2004. – С. 17-32. Краковяк, А.С. Проблема жанра инвективы в свете системно-субъективного подхода (на материале русской и польской поэзии периода Второй мировой войны) / А.С. Краковяк, С.А. Матяш. // Проблемы поэтики и истории русской литературы XIX – XX вв.: Междунар. сб. науч. статей / Под ред. С.А. Голубкова, Н.Т. Рымаря. – Самара: Изд-во «Самарский ун-т», 2005. – С. 70-83.

то в русской литературе инвектива сменила сатиру, зародившись в ее недрах. По мнению С.А. Матяш, в русской поэзии «формирование жанра приходится на творчество декабристов: инвектива адекватно отразила представление дворянских революционеров о поэте, который, во фразеологии В. Кюхельбекера, «мечет перуны в супостатов (...) клянет изверга».

В настоящий момент из этапов функционирования инвективы детально исследованы инвективы Лермонтова в диссертации Н.А. Анненковой «Сатира и инвектива в поэзии М.Ю. Лермонтова» (Оренбург, 2004). Реферируемая работа посвящена изучению жанра инвективы в следующий период истории русской лирики – 40-60-е годы XIX века.

Актуальность диссертации определяется необходимостью изучения проблемы жанра вообще и периферийных – в частности; недостаточной изученностью жанра инвективы; отсутствием работ, посвященных проблеме жанра инвективы середины XIX века.

Объектом исследования явилась русская лирика середины XIX века. **Предмет исследования** – 73 инвективных текстов поэтов середины XIX века.

Целью данной диссертации является исследование функционирования и поэтики жанра инвективы середины XIX века. В соответствии с поставленной целью, определены следующие задачи работы: 1) составить корпус инвективных текстов поэтов середины XIX века; 2) проанализировать особенности структуры инвективы 1840-1860-х годов (субъектно-объектные отношения, пространственно-временная организация, композиция, особенности стиха); 3) выявить взаимодействие инвективы с другими жанрами середины века; 4) уточнить константные, доминантные и факультативные признаки жанра применительно к инвективе середины XIX века.

Материалом исследования выступает русская лирика середины XIX века. Методом сплошной выборки всего было просмотрено 6237 текстов в творчестве 66 поэтов середины века. Инвективные тексты были выявлены у таких поэтов, как Н.А. Некрасов, А.А. Фет, А.А. Григорьев, А.Н. Плещеев, А.Н. Майков, Я.П. Полонский, В.С. Курочкин, Н.П. Огарев, И.С. Никитин, Л.А. Мей, Э.И. Губер, Д.Д. Минаев, К.К. Павлова, Е.П. Ростопчина, Н.Ф. Щербина, А.К. Толстой. Инвективные тексты Ф.И. Тютчева, в общих чертах описанные С.А. Матяш, были также проанализированы диссертантом в аспектах сформулированных задач. У Л.И. Пальмина, Ю.В. Жадовской, В.И. Богданова инвектив не обнаружено. Исследовательская работа по выявлению инвектив середины века проводилась по полным собраниям сочинений, по персональным сборникам, по хронологическим и жанровым антологиям.

Для сравнительной характеристики использовались стихотворения М.Ю. Лермонтова, А.С. Пушкина. Дополнительным материалом послужили баллады, эпиграммы, элегии, стихотворные фельетоны, стихотворные новеллы, послания различных поэтов середины XIX века.

Методологическую базу диссертационного исследования составляют научные работы по теории жанра: Ю.Н. Тынянова, М.М. Бахтина, М.Л. Гаспарова, В.В. Кожинова, В.Е. Хализева, Н.Л. Лейдермана, Ю.В. Стенника, Н.Т. Рымаря, Н.Д. Тамарченко, Л.В. Чернец и др.; по теории инвективы:

М.Л. Гаспарова, И.В. Шталь, С.А. Мятяш, Н.А. Анненковой, А.С. Краковяк; по **субъектному строю**: Б.О. Кормана, Ю.И. Левина, Н.С. Бройтмана, В.П. Скобелева, Т.Т. Савченко и др.; по **композиции**: В.М. Жирмунского, В.Е. Хализева, Б.М. Эйхенбаума, В.Е. Холшевникова, Ю.М. Лотмана, В.В. Савельевой и др.; по **хронотопу**: М.М. Бахтина, В.Е. Хализева, В.В. Савельевой, В.В. Кожина, И.Б. Роднянской, Я.Ф. Аскина и др.; по **структуре стиха**: М.Л. Гаспарова, В.Е. Холшевникова, М.Ю. Лотмана, К.Д. Вишневского, С.А. Мятяш и др.

В диссертации применялись следующие **методы исследования**: 1) структурно-описательный; 2) структурно-типологический; 3) историко-типологический; 4) статистический.

Научная новизна заключается в том, что

- данная работа – первое исследование, посвященное функционированию инвективы в русской лирике середины XIX века;
- составлен корпус инвективных текстов поэтов 1840-1860-х годов;
- выявлена ролевая инвектива, функционирующая в данном периоде;
- описана структура жанра инвективы середины XIX века (субъектно-объектные отношения, пространственно-временная организация, композиция, стихотворная форма);
- уточнены константные, доминантные и факультативные признаки жанра инвективы применительно к середине XIX века;
- рассмотрена инвектива в контексте жанровой диффузии середины XIX века.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что результаты работы могут быть учтены литературоведами при дальнейшем исследовании жанра инвективы, а также жанровой динамики русской лирики. **Практическая значимость** заключается в возможности применения результатов диссертации при чтении лекций по истории русской литературы XIX века (при изучении поэзии 1840-1860-х годов), теории литературы (при изучении традиционных и нетрадиционных жанров), а также в специальных курсах по теории и истории жанров, субъектному строю русской поэзии.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Главными жанрообразующими признаками инвективы выступают: гневный пафос; субъектно-объектные отношения соответствуют схеме я / мы / Δ¹ – ты / вы; амплификация как композиционный прием, агрессивные императивы; адресат – конкретное лицо; настоящее время, переходящее в будущее, где осуществляется наказание обличаемого лица; ораторский тип интонации, реализованный ямбическими размерами.

2. В лирике 40-60-х годов 19 века жанр инвективы функционирует у большинства поэтов, таких как Н.А. Некрасов, Ф.И. Тютчев, А.А. Фет, Ап.А. Григорьев, Е.П. Ростопчина, Н.П. Огарев, И.С. Никитин, Я.П. Полонский, А.Н. Майков и др.

3. В лирике середины века активно разрабатывается ролевая инвектива («Сцены из «Промефея» К.К. Павловой; «Прометей» Н.П. Огарева; «Прометей»

¹ Пустой член коммуникации (по терминологии Ю.И. Левина) здесь и далее

Э.И. Губера; «Школьный учитель» Л.А. Мея и др.). Данные произведения правомерно считать функционирующими на грани драмы и лирики.

4. В лирике середины XIX века появляются инвективные тексты, где адресат речи выражен местоимением «кто» и наличествуют условия, при которых якобы свершится проклятие. Такие тексты есть основания определить инвективной пограничного типа.

5. Инвектива середины века имеет специфическую композицию: адресат обличения в инвективах середины века чаще всего вынесен в рамочный комплекс; внутреннее построение инвективы имеет 4 композиционных типа: **первый тип** – в инвективе последовательно представлены: номинация адресата, обличение его и угроза; **второй тип** составили инвективы, в которых номинация адресата и перечисление злодеяний объекта тесно переплетены и завершены угрозой; **третий тип** – кольцевое построение: обвинение начинается и завершает стихотворение; **четвертый тип** – инвективные тексты, в которых есть номинация, перечисление злодеяний объекта, а угроза адресату отсутствует. Наиболее частотные в этой классификации 2-ой и 4-ый типы.

6. Инвектива 1840-1860-х годов, будучи периферийным жанром, активно взаимодействует с другими жанрами: внежанровым стихотворением, балладой, посланием, эпиграммой, стихотворным фельетоном, элегией. Во всех случаях инвективные фрагменты, имеющие гневный пафос и обязательный адресат обличения, создают особую энергетику произведения, цементируют его части, определяют идейную направленность всего текста.

Апробация работы. Основные положения диссертационного исследования отражены в 9 публикациях. Содержание диссертации докладывалось на «Региональной научно-практической конференции молодых ученых и специалистов» (Оренбург, 2005); на Всероссийской научно-практической конференции «Филологические чтения» (Оренбург, 2006); на Международной научно-практической конференции «Филологические чтения» (Оренбург, 2007); на региональной научно-практической конференции «Русский язык: исторические судьбы и современность» (с. Топкое, 2007). Результаты исследования обсуждались на научных аспирантских семинарах по теории и истории литературы в Оренбургском государственном университете (Оренбург, 2005-2008).

Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на кафедре русской филологии и методики преподавания русского языка Государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Оренбургский государственный университет».

Цель, поставленные задачи, характер материала и полученные результаты определили **структуру исследования**: диссертация состоит из введения, трех разделов, заключения, списка использованных источников (285 наименований) и приложения (списки инвектив и статистические данные по структуре жанра, сведенные в таблицы).

Основное содержание диссертации

Во **Введении** мотивируется выбор темы, ее актуальность; обосновывается научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы; определя-

ются цели, задачи исследования; указывается материал, объект и предмет изучения; обуславливаются методологические основы и методы исследования; формулируются основные положения, выносимые на защиту.

1 раздел диссертации **«Эмоциональная направленность и структура жанра инвективы середины века»** состоит из 7 подразделов. Подраздел **1.1 «Вводные замечания»** содержит аналитический обзор работ Б.О. Кормана, И.Н. Исаковой, С.Н. Бройтмана, Ю.И. Левина, Т.Т. Савченко, посвященных субъектно-объектным отношениям. Автор диссертации использует методику и научный инструментарий Ю.И. Левина, поскольку этот ученый, анализируя лирику с коммуникативной точки зрения, дает актуальные для жанра инвективы классификации субъекта и объекта (адресата). Диссертант прогнозирует возможности конкретизации методики Ю.И. Левина на материале инвектив середины века.

Подраздел **1.2 «Субъектно-объектные отношения инвективы середины века»** включает в себя пункт **1.2.1 «Субъектная организация инвективы»**, где указывается, что субъект жанра инвективы либо эксплицитен (выражен местоимениями «я», «мы»), либо имплицитен (речь произносится от лица всего человечества). По данным диссертанта, 2/3 текстов, в терминологии Ю.И. Левина, эготивны, так как они написаны от первого лица и в них присутствуют соответствующие формы глаголов. В пункте **1.2.2 «Формы выражения адресата инвективы середины века»** установлено, что все выявленные инвективы поэтов середины XIX века имеют определенный адресат. Тексты, в которых обличительная речь произносится лирическим субъектом не в лицо, а как бы «за спиной», автор исследования отнес к инвективе как типу речи («Дружеская переписка Москвы с Петербургом» Некрасова; «Негодование», «Насильный брак (баллада и аллегория)» Ростопчиной; «Нет, не рожден я биться лбом...», «Старинные, мучительные сны!», «Отрывок из неоконченного собрания сатир» Ап. Григорьева и «Сцена из неоконченной трагедии Шиллера «Дмитрий Самозванец» Павловой). Лирические произведения, в которых адресат речи выражен местоимениями «ты» / «вы», диссертант считает инвективой в узком (жанровом) смысле слова. Это стихотворения «Молодое поколение своему Зоилу», «Зачем меня на части рвете...» Некрасова; «Наполеон», «Нет, карлик мой! трус беспримерный...», «Ты долго ль будешь за туманом...», «Не в первый раз волнуется Восток...», «Наполеон III», «Чехам от московских славян» Тютчева; «Псевдопозу» Фета; «Героям нашего времени», «Город» «Прощание с Петербургом» Григорьева; «Болельщики», «Минувшему высокосному 1852 году» Ростопчиной; «Стансы Пушкина. 1826», «Размолвка с миром», «Gute Gesellschaft» Огарева; «Поэту», «Тяжкий крест несем мы, братья...», «Падет презренное тиранство...» Никитина; «Лжеучителям», «Блаженны вы, кому даны...» Плещеева; «После бала» Майкова; «Беспутный год» Полонского; «Лития по усопшему рабе божием Константине Гроде» Щербины; «Иным», «Проклятие» Губера.

В инвективе середины XIX века выделяются инвективы автокоммуникативные: в них гневное обращение поэта адресовано самому себе: «Я за то глубоко презираю себя...» Некрасова, «О, как убийственно мы любим...» Тютчева,

«Постыдно гибнет наше время!..» Никитина и «Судьба современных художников» Ростопчиной.

Инвективной пограничного типа автор диссертации обозначает произведения, в которых адресат речи выступает в форме местоимения «кто»: «Проклятие» Ал. Григорьева, «Apostaten-Marsch» Плещеева и «Да будет омрачен позором...» Курочкина. Эти тексты находятся на границе между жанром инвективы и инвективной как типом речи. Для инвективы пограничного типа характерно наличие условий, при которых свершится возмездие. Наличие инвектив этого типа может быть показателем подвижности границ между инвективной как типом речи и инвективной как жанром.

Анализ «коэффициента эготивности» и «коэффициента апеллативности» (по А.С. Краковяк, С.А. Матяш) жанра инвективы показывает, что апеллативность в большинстве текстов выше эготивности, то есть статистические данные подтверждают гипотезу о важности наличия прямого («ты», «вы») обличения как главного жанрообразующего признака.

Диссертантом установлено, что обличительная речь может быть направлена против 1) реального одушевленного лица: Константин Грот («Лития по усопшем рабе божием Константине Гроде» Щербины), Наполеон («Наполеон» Тютчева) друг («Стансы Пушкина. 1826» Огарева); 2) мифологического лица: Зюль («Молодое поколение своему Зоилу» Некрасова); 3) обобщенного лица: адресат, именуемый «дитя бездушной суеты» («Размолвка с миром» Ч. 3 Огарева); 4) неодушевленного: Русь («Не в первый раз волнуется Восток...» Тютчева), год («Беспутный год» Полонского; «Минувшему высокосному 1852 году» Ростопчиной), город («Город» и «Прощание с Петербургом» Григорьева), судьба («Проклятие» Губера). Во всех отмеченных текстах поэты употребляют местоимение «ты» (в последней группе поэты прибегают к приему персонификации). «Вы» появляется в тех случаях, когда поэты говорят о каком-либо реальном сообществе людей, таких как: учителя («Лжеучителям» и «Блаженны вы, кому дано...» Плещеева), деятели журнального мира («Героям нашего времени» Григорьева), также светское общество («После бала» Майкова; «Gute Gesellschaft» Огарева), современное поколение («Болезни века» Ростопчиной), или сообщество («Иные» Губера), славянская нация («Чехам от московских славян» Тютчева).

В подразделе 1.3 «Ролевая инвектива середины века» дается обзор работ (Б.О. Кормана, А.М. Гаркави, В.П. Скобелева и др.), в которых указывается специфика ролевой лирики: автор в ней выступает не от своего лица, а от лица разных героев. Автор диссертации под ролевой инвективой понимает стихотворения с гневной направленностью, где субъектом речи выступает персонаж, а не сам автор. В исследованном материале обнаружено 8 ролевых инвектив: «Поэт и гражданин», «Сцены из лирической комедии «Медвежья охота», «Гробок» Некрасова; «Прометей» Огарева; «Школьный учитель» Мея; «Прометей» Губера и др. Анализ данных произведений показал, что персонажи в тексте не всегда могут быть вербально обозначены. Действующие лица названы либо по имени (Прометей, Зевс, Пальцов), либо по социальному статусу (Учитель, Ученик, Женщина, Поэт, Гражданин, Солдат). Среди ролевых инвектив середины

XIX века была выявлена автокоммуникативная инвектива («Сцены из лирической комедии «Медвежья охота» Некрасова). Функционирование ролевой инвективы свидетельствует о жанрово-родовой диффузии в поэзии данной эпохи.

В следующем подразделе 1.4 «Хронотоп» диссертант опирается на мнение М.М. Бахтина, утверждающего, что хронотоп в литературе имеет существенное жанровое значение. Автор диссертации делает краткий обзор многочисленных работ по хронотопу философами (Ю.Б. Молчанов, В.Н. Дубровский) и литературоведами (Н.Д. Тамарченко, Л.В. Чернец, В.Е. Хализев, И.Б. Роднянская, Я.Ф. Аскин). Далее диссертант использует классификацию, предложенную В.В. Савельевой на основе обобщения многочисленных исследований.

В инвективах середины XIX века категория времени нередко вынесена в название: «Героям нашего *времени*» Григорьева; «Болезни *века*», «Минувшему высокосному 1852 году» Ростопчиной; «Беспутный *год*» Полонского; «*После бала*» Майкова; «Стансы Пушкина. 1826» Огарева, что подчеркивает важность ее для исследуемого жанра. Временные характеристики в данных инвективах содержат указание на причину или конкретный повод возникновения негодования в жизни поэта или общества. В инвективе середины века преобладает физическое время («Но час настанет...», «Года пройдут...» («Лжеучителям» Плещеева); «Такие же увидят дни...» («Беспутный год» Полонского) и время перцептуальное («Где б каждый был хоть миг – поэт!...» («После бала» Майкова); «Толпа за миг пред ним благоговела...» («Судьба современных художников» Ростопчиной). В инвективе рассматриваемого периода встречается циклическое время в различных разновидностях: а) природное («Цветет душистая весна, / И лето сходит знойное на нивы, / И прелесть осени дана!...» («Болезни века» Ростопчиной); б) указание на признаки возраста («Что, доживши кой-как до тридцатой весны...» («Я за то глубоко презираю себя...» Некрасова); «Гы, целых двадцать бурных лет...», («Наполеон» Тютчева); «Блажен, кто в юности слепой...» («Зачем меня на части рвете...» Некрасова); и в) время человеческого бытия («И жизни страшных тайн и бесстрашного сознания...» («Героям нашего времени» Григорьева); «И смерть от бедных матерей...» («Беспутный год» Полонского). Общее количество упоминаний времени составило 126, из них на характеристику субъекта высказывания приходится 12 случаев (9,5%), а адресата обличения – 114 случаев (90,5%). Более интенсивная временная характеристика адресата подчеркивает важность его в жанре инвективы.

С лингвистической точки зрения категория времени представлена прошедшим, настоящим и будущим временами. В инвективе середины века есть все перечисленные виды времени: настоящее время присуще всем инвективам (100%), будущее время присутствует лишь в 7 произведениях (22%) («Молодое поколение своему Зоику» Некрасова, «Блаженны вы, кому дано...» Плещеева, «Стансы Пушкина. 1826» Огарева и др.), а прошедшее – в 11 текстах (35%) («Я за то глубоко презираю себя...», «Зачем меня на части рвете...» Некрасова, «Минувшему высокосному 1852 году» Ростопчиной, «Лития по усопшем рабе божием Константине Гроте» Щербины и др.).

Анализ пространственной организации жанра инвективы 1840-1860-х годов выявил 7 разновидностей пространства. Среди них лидирующую позицию

занимает не визуальное, внутреннее пространство, составляющее 19% от числа всех упоминаний пространства (154): «Зачем меня на части рвете...» Некрасова, «О, как убийственно мы любим...» Тютчева, «Блаженны вы, кому дано...» Плещеева и др. Чаще всего данный вид пространства характеризует внутренний мир адресата высказывания. Макропространство, выраженное словом «мир», находится на втором месте – 16,7% («Наполеон III» Тютчева, «Судьба современных художников» Ростопчиной, «После бала» Майкова и др.). Социально-территориальное, или урбанистическое пространство (15%) также доминирует на фоне других, подчеркивая, что человек – часть страны, города («Прощание с Петербургом», «Героям нашего времени» Григорьева, «Судьба современных художников» Ростопчиной и др.). Динамическое пространство составило 11,6% («Наполеон» Тютчева, «Город» Григорьева, «Иным» Губера и др.). Пространство, не имеющее определенных границ, – внешнее, открытое – также характерно для исследуемого жанра. Чаще всего оно представлено объектами неживой природы («Ты долго ль будешь за туманом...», «Наполеон» Тютчева, «Беспутный год» Полонского и др.). Фантастическая и ограниченная формы пространства присутствуют, но их доля невелика. Если общее число единиц обозначения пространства равно 154, то них 146 (или 94,8%) – используется поэтами для характеристики адресата обличения и 8 (5,2%) – для характеристики субъекта высказывания. Преобладание пространственных единиц при характеристике адресата подчеркивает значение прямого объекта в данном жанре. Сопоставление результатов анализа пространств инвективы с пространствами других жанров середины века – стихотворного фельетона и стихотворной новеллы – показало, что для жанровой системы данной эпохи характерны жизнеподобные, урбанистические пространства. Этот факт подчеркивает мысль о тенденции «впитывания» лирическими произведениями данного периода многих прозаических тем. Присутствие пространства динамического во всех перечисленных жанрах, возможно, говорит о постоянном потоке действий, в них отражаемых.

Проведенное сравнение пространственной организации инвектив середины века с инвективами Лермонтова обнаружило преобладание, во-первых, духовного не визуального пространства, что, очевидно, связано с жанровым признаком – обращенностью к адресату, во-вторых, социально-территориального, урбанистического пространства.

В подразделе 1.5 рассматривается «Композиция жанра инвективы середины века». После аналитического обзора работ по данной проблеме (В.М. Жирмунский, Б.М. Эйхенбаум, Б.В. Томашевский, Л.Я. Гинзбург, Т.И. Сильман, В.Е. Холшевников, Ю.М. Лотман, М.Л. Гаспаров, С.А. Матяш, Р.А. Евсеева, О.В. Слонь) автор исследования обосновывает использование методики С.А. Краковяк и С.А. Матяш. Ученые предложили рассматривать план субъекта и план адресата как два центральных композиционных звена инвективы. План объекта реализуется в двух композиционных звеньях: 1) обличение; 2) угроза. В свою очередь первое звено включает в себя два компонента: а) номинация; б) перечисление злодеяний. Более детальное рассмотрение материала позволило создать типологию композиционных форм. **Первый тип.** В инвективе

последовательно представлены следующие звенья: номинация адресата, обличение его и угроза («Наполеон III» Тютчева, «Лжеучителям» Плещеева, «Иным», «Проклятие» Губера, «Прощание с Петербургом» Григорьева). **Второй тип** составили инвективы, в которых номинация адресата и перечисление злодеяний объекта тесно переплетены и завершены угрозой: «Стансы Пушкина. 1826», «Gute Gesellschaft» Огарева, «Молодое поколение своему Зоилу» Некрасова, «Падет презренное тиранство...» Никитина и др. **Третий тип** – кольцевое построение: обвинение начинается и завершает стихотворение «Минувшему высокоосному 1852 году» Ростопчиной, «Героям нашего времени» Григорьева, «Беспутный год» Полонского, «Псевдопоэту» Фета. **Четвертый тип** – инвективные тексты, в которых есть номинация, перечисление злодеяний объекта, а угроза адресату отсутствует: «Наполеон», «Чехам от московских славян» Тютчева, «Болезни века» Ростопчиной, «Поэту» Никитина, «Город» Григорьева и др. Отсутствие угрозы возмездия в данном типе способствует ослаблению накала обличения, хотя на протяжении всего стихотворения присутствует гневная тональность.

В подразделе 1.7 «Выводы по разделу» подводятся итоги анализа структуры жанра инвективы середины века в аспектах субъектно-объектных отношений, хронотопа, композиции, акцентируется взаимодействие разных уровней структуры.

Раздел 2 «Структура жанра инвективы середины века: формальная композиция» открывается «Вводными замечаниями» 2.1, в которых диссертант очерчивает параметры структуры инвективы, относящиеся к понятию формальная (внешняя) композиция. Это объем, рамочный комплекс (название, подзаголовок, посвящение и эпиграф), особенности стиховой организации данного жанра (метрика, каталектика, строфика, ритмико-синтаксическая организация, интонация, особенности рифмы).

В подразделе 2.2 «Объем» автор работы установил, что средний объем инвектив середины века равен 40 строкам. Стихотворения менее 40 строк квалифицируются как инвективы малой формы, а больше 40 строк – большой формы. В лирике середины века преобладают инвективы малого объема. Большие формы появляются за счет использования поэтами композиционного приема амплификации (см. «Наполеон III», «Чехам от московских славян» Ф.И. Тютчева; «Героям нашего времени», «Город» А.А. Григорьева; «Болезни века», «Судьба современных художников» Е.П. Ростопчиной и др.).

Подраздел 2.3 «Рамочный комплекс» включает в себя анализ «Названий» (п. 2.3.1), «Подзаголовка» (п. 2.3.2), «Посвящения» (п. 2.3.3) и «Эпиграфа» (п. 2.3.4). Название выступает обязательным компонентом инвективы середины века и в 55% случаях содержит в себе объект обличения («Наполеон», «Наполеон III», «Чехам от московских славян» Тютчева; «Лжеучителям» Плещеева; «Беспутный год» Полонского; «Псевдопоэту» Фета; «Город» Григорьева и др.). В ряде случаев маркирование адресата переносится в подзаголовок («Город (Посвящается И.А. Манну)» Григорьева; «Стансы Пушкина. 1826 (Анненкову)»

Огарева). Подзаголовок, посвящение и эпиграф мало характерны для инвективы данного периода.

Подраздел 2.4 «Особенности стиховой организации инвективы середины века» включает пункты «Метрика» (2.4.1), «Каталектика» (2.4.2) и «Строфика» (2.4.3). Показывается, что метрические формы инвективы середины XIX века представлены двусложными метрами (ямб, хорей) и трехсложными (анapest). С абсолютным преобладанием (27 текстов из 31) функционирует ямб с различными размерами. На первом месте 4-стопный ямб («Псевдопозту» Фета, «Наполеон III», «Чехам от московских славян» Тютчева, «Прощание с Петербургом» Григорьева и др.); далее (в порядке уменьшения частотности) следует 5-стопный ямб («Не в первый раз волнуется Восток...» Тютчева, «Судьба современных художников» Ростопчиной), вольный ямб («Наполеон III» Тютчева, «Героям нашего времени» Григорьева), разностопный ямб («Город» Григорьева, «Иным», «Проклятие» Губера и др.). Второе и третье места разделили анапест («Молодое поколение своему Зоилу», «Я за то глубоко презираю себя...» Некрасова) и хорей («Лития по усопшем рабе божием Константине Гроте» Щербины, «Тяжкий крест несем мы, братья...» Никитина). Метрическая форма «Наполеон» Тютчева квалифицируется как полиметрия, состоящая из звеньев вольного, 4-стопного и 5-стопного ямба. Метрическая форма инвективы «Минувшему высокосному 1852 году» Ростопчиной интерпретируется как переходная метрическая форма (от 5-стопного ямба к вольному).

В подавляющем большинстве (в 27 из 31) инвективных текстов присутствуют мужские и женские окончания. В 22 инвективах («Псевдопозту» Фета, «Наполеон», «О, как убийственно мы любим...» Тютчева, «Болезни века», «Минувшему высокосному 1852 году» Ростопчиной и др.) мужской клаузулой завершается последняя строка, что придает тексту отчетливость и выразительность. В 31 инвективе всего 1097 строк; соотношение мужских и женских составляет 593:486, то есть мужских в 1,3 раза больше, чем женских (см: «Зачем меня на части рвете...» Некрасова, «Болезни века», «Судьба современных художников» Ростопчиной, «Город», «Прощание с Петербургом» Григорьева и др.). Остальные 18 строк приходятся на дактилические окончания «Молодого поколения своему Зоилу» Некрасова.

Жанру инвективы присуще равнострочное деление, которое представлено – в порядке убывания частотности – катренами, октавами, десятистишиями и двустистишиями. В то же время, наряду с равнострочным членением может функционировать неравнострочное («Наполеон» Тютчева, «Беспутный год» Полонского и др.) и астрофичное («Падет презренное тиранство...» Никитина, «Прощание с Петербургом» Григорьева и др.).

Анализ метрики, каталектики и строфики заканчивается сравнением полученных данных с аналогичными данными Н.А. Анненковой по инвективам Лермонтова. В результате сопоставления делается вывод о преимущественности (преобладание ямба, равнострочные, астрофические формы) и своеобразии данного жанра в середине века (функционирование параллельно с ямбом анапеста и хорая, наличие дактилических клаузул).

Пункт 2.4.4 «Некоторые ритмико-синтаксические особенности инвектив середины XIX века» посвящен рассмотрению синтаксической организации инвективы в исследуемый период. Обращается внимание на такое ритмико-синтаксическое явление как перенос (enjambement). Переносы в инвективе середины века малочастотны (встретились в 4-х инвективах), но идейно-эстетически значимы. Благодаря изобразительной функции переносов, в частности, использованию «визитных» (по терминологии С.А. Матяш) переносов, фиксируется внимание на объекте обличения. Выразительные функции enjambements способствуют их участию в раскрытии внутренних переживаний героя (как этому способствовало невизуальное время и внутреннее пространство).

Пункт 2.4.5 посвящен «Интонации». Обличительная интонация, являясь константным признаком анализируемого жанра, представляет собой ораторский тип интонации (по Б.М. Эйхенбауму). В исследуемый период ораторская интонация выражается обилием риторических вопросов, обращений, восклицаний, вызывающих повышенную частотность употребления знаков препинания. Соседство ораторской интонации с другими типами (например, с элегической) несколько смягчает гневное обличение.

«Наблюдения над семантикой рифм» 2.4.6 показали, что зарифмованные строки могут указывать на объект обличения (град – разврат («Город» Григорьева), вам – бойцам («Героям нашего времени» Григорьева), год – невзгод («Минувшему высокосному 1852 году» Ростопчиной), сил – Зоилю («Молодое поколение своему Зоилу» Некрасова) и др.) и / или маркировать конкретные обвинения адресата: ухищренья – стремленья («Лжеучителям» Плещеева), торговал – воровал, лицом – злом («Беспутный год» Полонского), ухищреньям – подозреньем («Наполеон III» Тютчева), гордости – подлости, презрения – мщения («Молодое поколение своему Зоилу» Некрасова) и др. Анализ рифм в семантическом аспекте позволили сделать вывод, что рифма инвектив обладает повышенной значимостью, способствует эффекту инвективного обличения.

В п. 2.5 «Выводы по разделу» резюмируются итоги исследования рамочной композиции, акцентируется внимание на взаимодействии разных формантов, подчеркивается, что все анализируемые форманты, в особенности стиховые, маркируют константные и доминантные жанрообразующие признаки инвективы, что способствует раскрытию специфики исследуемого жанра.

Раздел 3 «Инвектива в контексте жанровой диффузии в поэзии середины XIX века» состоит из 9 подразделов. Во «Вводных замечаниях» (3.1) оговаривается, что для решения вопроса о месте инвективы в системе других жанров диссертанту необходимо рассмотреть особенности жанровой системы середины века, уделяя пристальное внимание тем жанрам, в которых есть «следы» взаимодействия с инвективой. В материале данного периода инвективные составляющие обнаружены автором диссертации в балладе, эпиграмме, стихотворном фельетоне, элегии, послании, внежанровом стихотворении. Предметом исследования в данном разделе выступают инвективные вкрапления, функционирующие в составе других жанров.

В подразделе 3.2 «Общий взгляд на жанровую систему середины XIX века» автор диссертации, опираясь на работы Б.Я. Бухштаба, И.Г. Ямпольского, Б.Ф. Егорова, П.П. Громова, Л.Ф. Ершова, Ю.В. Лебедева, Н.Л. Зелянской и др., очерчивает социально-политическую обстановку в России и жанровую динамику в 1840-1860-е годы. В поэзии середины века функционировали такие традиционные жанры, как элегия, послание, баллада, эпиграмма, антологическое стихотворение. При всём значении этих и других традиционных жанров «лицо» поэзии середины XIX века определяли жанры нетрадиционные, то есть новые, возникшие как ответ на запросы времени и являющиеся во многом результатом взаимодействия поэзии и прозы середины века. Диссертант обращает внимание на то, что в этот период прозаические жанры развивались благотворно и оказывали влияние на жанры поэзии. В результате взаимодействия прозы и поэзии активизируется жанровая диффузия, начатая еще в начале XIX века. В значительной степени результатом жанровой диффузии явилось создание внежанровых стихотворений. Названные традиционные и нетрадиционные жанры функционировали не изолированно, а на одной площадке текста, оказывая влияние друг на друга.

В п. 3.3 «Инвектива как элемент внежанрового стихотворения середины XIX века» рассматриваются «Размышления у парадного подъезда» Некрасова, «Италия», «На развалинах цезарских палат» Фета. Анализ данных стихотворений показал, что в рамках одного лирического произведения можно выделить признаки различных жанров – элегии, песни, спенки, дифирамба, инвективы. Во фрагментах, интерпретируемых диссертантом как инвективные, присутствуют константные признаки жанра инвективы: гневный пафос; субъектно-объектные отношения, соответствующие схеме: я – ты; глаголы настоящего времени. Инвективные фрагменты в «Размышлениях ...» Некрасова и «На развалинах ...» Фета содержат угрозу проклятия.

Подраздел 3.4 посвящен вопросу «Взаимодействия инвективы с балладой». Финальная строфа произведения «Эдвард» в переводах К.К. Павловой и А.К. Толстого автором диссертации интерпретируется как инвективная. Субъектом речи выступает Эдвард, а адресатом проклятия – Мать. При обращении к объекту обличения употребляются местоимения 2 лица единственного числа: «ты», «тебе», что способствует нагнетанию гневной тональности и бросанию обвинения как бы в лицо обличаемого персонажа. Предпринятый анализ двух «Эдвардов» в сопоставлении с оригиналом – шотландским текстом – показал, что гневный пафос и субъектно-объектные отношения «я – ты» сближают концовку этих поэтических текстов с жанром инвективы. Однако переводы Павловой и Толстого больше тяготеют к жанру баллады: в рамочном комплексе имеется указание на жанровое содержание текста (баллада); в основе лежит легенда; в обоих переводах острый сюжет; сюжет разворачивается через диалог героев; обе метрические формы (Павлова переводит данную балладу дольником, Толстой – амфибрахийем) являются удачным аналогом стихотворной формы оригинала (в оригинале – дольник).

В подразделе 3.5 «Инвективные вкрапления в жанре послания» автор диссертации процесс взаимодействия жанров послания и инвективы обнаруживает

в таких произведениях как «От поэта к царям», «Нашим будущим поэтам» Е.П. Ростопчиной, «Славянам (Привет вам задушевный, братья...)» Ф.И. Тютчева и «Отступнице» Н.П. Огарева. Данные тексты обращены к конкретному адресату и рассчитаны на диалог с ним. Эксплицитный адресат является жанрообразующим признаком, как послания, так и инвективы. Помимо эксплицитно выраженного адресата, в названных текстах есть и другие жанрообразующие признаки послания – намеки, перебои эмоционального тона. Кроме этого в анализируемых произведениях диссертант также обнаруживает признаки жанра инвективы: осуждающая интонация, субъектно-объектные отношения, строящиеся по схеме: я / мы – ты / вы; настоящее время в стихотворениях «Нашим будущим поэтам» Ростопчиной, «Отступнице» Огарева и «Славянам (Привет вам задушевный, братья...)» Тютчева. Инвективный фрагмент ростопчинского «От поэта к царям» диссертант отнес к инвективе как типу речи, поскольку адресат речи выражен в 3-ем лице. Проведенный анализ помог автору исследования показать трансформацию жанра послания в середине века.

П. 3.6 «Инвективные составляющие в составе стихотворного фельетона». Диссертант, учитывая наблюдения В.Н. Румянцевой по стихотворному фельетону середины века, рассматривает стихотворные фельетоны: «Балет» Некрасова, «Педагогический приговор», «Грозный акт» Минаева под углом зрения структуры и роли гневного вкрапления в составе целого произведения. Отдельные фрагменты в названных фельетонах содержат: 1) гневную эмоциональную направленность; 2) субъектно-объектные отношения «я (мы)» – «ты (вы)»; 3) настоящее время, переходящее в будущее; 4) угрозу проклятия адресата, что позволяет интерпретировать их как инвективу. Субъект речи и объект обличения в данных вкраплениях представлены ролевыми героями (см., например, «Педагогический приговор» Минаева: «грамотей-радикалы» – буква «Ять»), то есть в перечисленных фельетонах функционирует ролевая инвектива. Несмотря на диспропорцию в объеме основной части и инвективных фрагментов, именно последние определяют саркастическое звучание стихотворных фельетонов.

В подразделе 3.7 «Проникновение элегии в инвективные тексты» диссертант показывает, что элегические вкрапления в жанре инвективы («Судьба современных художников», «Болезни века» Ростопчиной) могут быть по-разному структурно организованными и иметь различные функции, в том числе – расширение ткани текста и ослабление обличительного накала. Четкое разделение инвективной и элегической частей в одном стихотворении («На смерть Пушкина» Губера) дает основание считать его инвективной-элегией.

Подраздел 3.8 посвящен функционированию «Инвективы в рамках эпиграммы середины века». Произведения, в которых эпиграмма соседствует с инвективой, выявлены С.А. Матяш в наследии Ф.И. Тютчева («Не Богу ты служил и не России...», «Куда сомнителен мне твой...», «Ответ на адрес», «Князю Суворову», «Напрасный труд – нет, их не вразумишь...», «Вы не родились поляком...»), нами – в творчестве Н.П. Огарева («Кн. Черкасскому», «<На Б. Н. Чичерина>»), Н.Ф. Щербины («Министерству», «Эпиграммы на Аполлона Майкова. 1. Дилемма», «Эпиграммы на Аполлона Майкова. 3. Льстивый раб, царем забытый..»). У других поэтов середины века, писавших инвективы, эпиграм-

матических инвектив не обнаружено. Всего эпиграмматических инвектив 11, что составило 4% от общего числа обследованных эпиграмм. Объединяющим для данных стихотворений является объем, равный 7,5 строкам. Точкой соприкосновения жанров инвективы и эпиграммы диссертант считает сатирическую направленность и адресность. Прямое обращение к обличаемому лицу («Нет! Чужда тебе Россия, / И славянам ты не свой...» («Кн. Черкасскому» Огарева); «Ты был не царь, а лицедей...» («Не Богу ты служил и не России...» Тютчева; «Куда вам в члены Английских палат?...» («Ответ на адрес» Тютчева); и др.) и перечисление его злодеяний («Ты гимны воспевал «откинутой коляске», / Лбу медному кадил и лстил ты медной каске <...>» («Эпиграммы на Аполлона Майкова. 1. Дилемма» Щербины) сближает данные эпиграммы с жанром инвективы.

П. 3.9 «Выводу по разделу». Наш анализ жанровой динамики рассматриваемого периода показал, что в середине века инвектива взаимодействует с внежанровым стихотворением, балладой, посланием, эпиграммой, стихотворным фельетоном, элегией. Поскольку в поэзии Лермонтова, по данным Н.А. Анненковой, инвектива взаимодействовала с эпиграммой, посланием, элегией, ясно, что жизнь лирических жанров середины века отличается: инвектива взаимодействует не только с жанрами, которые разрабатывались Лермонтовым, но и с внежанровым стихотворением, балладой, стихотворным фельетоном. Этот вывод наполняет конкретным содержанием тезис о процессе жанровой диффузии в середине XIX века.

Во всех случаях присутствия инвективы в составе других жанров ее константными признаками являются гневная тональность, обязательный адресат обличения, субъект, который может быть как эксплицитным, так и имплицитным. Угроза проклятия объекта для русской инвективы середины XIX века является не константным, а доминантным признаком.

В **Заключении** представлен составленный корпус инвективных текстов, функционирующих у поэтов середины века, показана правомерность выделения инвективы как лирического жанра. Константными признаками жанра инвективы середины века остаются гневная тональность, субъектно-объектные отношения, настоящее время, переходящее в будущее, где осуществляется угроза возмездия. Рассмотрение субъектно-объектных отношений позволило уточнить типологию инвектив, выделив в ней пограничный тип. Исследование выявило существование в середине века автокоммуникативной инвективы и ролевой инвективы. Функционирование инвективы в контексте жанровой системы середины века раскрыло взаимодействие этого жанра с другими жанрами, что конкретизировало тезис о диффузии литературных жанров. Анализ инвективы в контексте других жанров позволил установить такую особенность инвектив середины века, как ослабление гневной тональности в финале произведения. Анализ субъектно-объектных отношений, хронотопа, стиховой организации, особенно рифмы, дает специфический срез мотивов инвективы, которые в значительной мере отражают тематику поэзии середины века.

Помимо обобщения результатов исследования в заключении дается характеристика инвективам крупнейших поэтов под углом зрения индивидуального

стиля. В частности указывается, что Н. Некрасов отличается созданием ролевых инвектив и особенностями стиха (использование анапеста и дактилических клаузул). Инвективам Ф. Тютчева свойственна общественно-политическая тематика и имплицитный субъект (обличение от лица всего человечества). Ап. Григорьев, Е. Ростопчина и Н. Огарев обличают свое поколение, что свидетельствует о переключке их с Лермонтовым, хотя обвинение у названных поэтов, по сравнению с поэтом предшествующей эпохи, ослаблено. Наиболее близка великому поэту в этом аспекте Ростопчина, включающая себя, как и Лермонтов, в обличаемое общество.

Работы, опубликованные в рецензируемых научных журналах, входящих в перечень ВАК РФ:

1. Бралина, Г.М. О стихе русских инвектив середины XIX века / Г.М. Бралина. // Вестник Оренбургского государственного университета. - 2006. - №11. - С. 31-35.

Публикации в других изданиях:

2. Бралина, Г.М. «Героям нашего времени» Ап. Григорьева (жанровый аспект анализа) / Г.М. Бралина. // Материалы регион. науч.-практич. конф. молодых ученых и специалистов Оренбургской области. Ч.1. – Оренбург: ИПК ГОУ ОГУ, 2005. – С. 67-68.
3. Бралина, Г.М. Инвектива как жанр в творчестве Е.П. Ростопчиной (постановка проблемы) / Г.М. Бралина. // Художественный текст: варианты интерпретации: Труды XI Всеросс. науч.-практич. конф. (Бийск, 12-13 мая 2006г.): В 2 ч. Ч. 1. – Бийск: БПГУ им. В.М. Шукшина, 2006. – С. 86-90.
4. Бралина, Г.М. Подзаголовочный комплекс жанра инвективы середины XIX века / Г.М. Бралина. // Филологические чтения: материалы Всеросс. науч.-практич. конф. (Оренбург, 3 ноября 2006г.). – Оренбург: Изд-во ИПК ГОУ ОГУ, 2006. – С. 193-197.
5. Бралина, Г.М. Использование элементов НИР в процессе преподавания литературоведческих дисциплин / Г.М. Бралина. // Проблемы и перспективы филологического образования в школе и вузе: сб. науч. ст. Всеросс. науч.-практич. конф. (Орск, 15-16 февраля 2007г.) / Отв. ред. В.П. Синенко. – Орск: Изд-во ОГТИ, 2007. – Электронный ресурс. – ISBN 5-8424-0325-0.
6. Бралина, Г.М. Из наблюдений над семантикой рифмы жанра инвективы середины XIX века / Г.М. Бралина. // Филологические чтения: материалы Междунар. науч.- практич. конф. (Оренбург, 1-2 ноября 2007г.). – Оренбург: ИПК ГОУ ОГУ, 2007. – С. 213-219.
7. Бралина, Г.М. Особенности композиции жанра русской инвективы середины XIX века / Г.М. Бралина. // Вестник Оренбургского государственного университета. - 2007. - №11. – С. 44-48.
8. Бралина, Г.М. Инвектива в составе стихотворного фельетона середины XIX века / Г.М. Бралина. // Художественный текст: варианты интерпретации: Труды XIII Всеросс. науч.-практич. конф. (Бийск, 16-17 мая 2008г.): В 2 ч. Ч. 1. – Бийск: БПГУ им. В.М. Шукшина, 2008. – С. 67-71.

9. Бралина, Г.М. Наблюдения над субъектно-объектными отношениями в жанре инвективы середины XIX века / Г.М. Бралина. // Вестник Оренбургского государственного университета. - 2008. - №82. – С. 12-13.

Лицензия № ЛР020716 от 02.11.98.

Подписано в печать 29.10.2008 г.

Формат 60x84 $\frac{1}{16}$. Бумага писчая.

Усл. печ. листов 1,0. Тираж 100. Заказ 600.

ИПК ГОУ ОГУ

460018, г. Оренбург, ГСП, пр. Победы, 13,
Государственное образовательное учреждение
«Оренбургский государственный университет»

10 =